

УДК 340:94(575)

КАЗАЧЬИ «МОТИВЫ» В ВОЕННОМ ДЕЛЕ БУХАРЫ И ХИВЫ ПОД РОССИЙСКИМ ПРОТЕКТОРАТОМ¹

© 2016 г. Р.Ю. Почкаев

В статье анализируется влияние русских казачьих традиций на развитие военного дела в среднеазиатских протекторатах Российской империи – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в конце XIX – начале XX вв. Автор рассматривает причины этого влияния, связанные с активным участием казачьих частей в процессе присоединения Средней Азии к России, развитии казачьего войска во вновь присоединенных к России регионах, включая создание новых казачьих войск (таких как Уральское или Семиреченское). Также прослеживается, как и какие именно элементы, присущие казачьему войску, постепенно внедрялись в военное дело среднеазиатских ханств, связь бухарских и хивинских правителей с российским казачеством в контексте интеграции среднеазиатских монархов в сановную и военную элиту Российской империи. Наконец, рассматриваются попытки создания в Бухаре и Хиве собственных иррегулярных воинских частей («милиции») по образу и подобию казачьего войска и причины, по которым такие части все же не были созданы. Автор приходит к выводу, что изменения в военном деле среднеазиатских ханств с активным использованием российского военного опыта являются частью процесса фронтальной модернизации – последовательной и всеобъемлющей интеграции протекторатов в имперское политико-правовое и экономическое пространство.

Ключевые слова: Российская империя, казачье войско, Бухарский эмират, Хивинское ханство, иррегулярные войска, протекторат, фронтальная модернизация.

Одной из самых серьезных проблем, связанных с присоединением азиатских регионов к России в XVIII–XIX вв. и управлениями ими вплоть до падения империи в 1917 г., оставалась малочисленность российских войск, пребывавших на этих территориях. Неоднократно предпринимались попытки решить эту проблему за счет формирования «национальных» воинских частей, которые могли бы нести службу непосредственно в местах своего проживания.

Наверное, одним из первых такую попытку предпринял оренбургский военный губернатор П.К. Эссен в начале 1820-х гг., предложивший центральным властям проект формирования башкирских конных полков на регулярной основе. Однако этот проект не был одобрен в Петербурге по ряду причин: во-первых, затраты на содержание таких частей были бы слишком высоки, во-вторых, сами башкиры, узнав о предложении Эссена, направили в столицу целый ряд прошений с выражением нежелания переходить от иррегулярной службы к строевой. Учитывая, что Башкирия, неоднократно сотрясавшаяся анти-российскими восстаниями в XVIII–XVIII вв., не была спокойной и в XIX в., имперские власти отклонили проект П.К. Эссена (Записки, 1907, с. 42).

Впрочем, в данном случае речь шла именно о преобразовании «национальных» воинских частей в регулярные, тогда как в качестве иррегулярных подразделений башкиры несли службу постоянно и достаточно усердно. Аналогичным образом, имперские власти формировали специальные подразделения из «сибирских инородцев», хотя формально они и были освобождены от рекрутской повинности (см. подробнее: Венюков, 1874, с. 4–6).

Совершенно другая ситуация складывалась в Казахстане и Русском Туркестане, где власти изначально отказались от распространения воинской повинности на местное население. При этом подобная позиция, вполне объяснимая на раннем этапе пребывания казахстанского или туркестанского населения в составе Российской империи, сохранялась и десятилетия спустя.

Так, в Казахстане освобождение от воинской повинности подтверждалось основными законодательными актами, определявшими статус этого региона в составе империи. § 245 «Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» от 21 октября 1868 г. гласил: «Киргизы освобождаются от рекрутской повинности» (Временное положение, 1868, с. 33). И п. 12 самого последнего по времени «Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» от 25 марта 1891 г.» («Степное положение») подтверждало, что «инородцы... освобождаются пожизненно от

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 14–03–00322.

воинской повинности» – даже те, кто принимал христианство и проживал в русских городах и селениях (ПСЗРИ, 1894, № 7574, с. 136). Необходимость подтверждения прежней льготы возникла в связи с тем, что, начиная с 1874 г., в России вводилась всеобщая воинская повинность, и следовало специально оговорить, что новые правила призыва в армию по-прежнему не распространяются на «киргизов», т.е. казахов.

Что касается Туркестана, то его население было освобождено от воинской повинности п. I указа императора Александра II Правительствующему сенату о введении «Устава о воинской повинности» от 1 января 1874 г. (ПСЗРИ, 1876, № 52983, с. 27). Этого решения оказалось достаточно для того, чтобы не включать соответствующие нормативные правила ни в «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г., ни во «Временное положение об управлении Закаспийской области» 1892 г. Однако этот указ предусматривал, что в Туркестане и других регионах, освобожденных на момент принятия Устава от воинской повинности «порядок отбывания упомянутой повинности будет определен впоследствии особыми положениями сообразно с местными особенностями». В связи с этим и в центральных правительственных кругах Российской империи, и среди руководителей региональных администраций постоянно велись споры о целесообразности привлечения или непривлечения местного «инородческого» населения к воинской повинности. Все они, как правило, завершались решением центральных властей все же не распространять ее на население Казахстана и Туркестана (см. подробнее: Котюкова, 2010; Котюкова, 2012; Уяма, 2004; Уяма, 2007). Как показало будущее, подобное решение было вполне обоснованно: ведь, как известно, призыв казахов и туркестанцев всего лишь на тыловые работы в 1916 г. был воспринят ими как нарушение их законных прав и привилегий и вызвал мощнейшее анти-имперское восстание практически во всей русской Средней Азии (см.: Батырбаев, 2016; Котюкова, 2011, с. 105–117).

Единственное исключение, как ни странно, представляла Закаспийская область, местное население которой, туркмены, оказало, пожалуй, самое ожесточенное сопротивление российскому продвижению в регион. Несмотря на то, что формально освобождение от воинской повинности распространялось и на туркмен, они охотно вступали в конную милицию: в 1885 г. был сформирован первый отряд, а в 1892 г. действовал уже целый конно-иррегулярный дивизион (Котюкова, 2012, с. 31). Весьма положительно о боевых качествах туркмен, их храбрости и, что важно, лояльности имперским властям, отзывались как российские, так и иностранные очевидцы. Наверное, наиболее впечатляющую картину возможностей использования туркменской «милиции» изобразил британский журналист Дж. Добсон, побывавший в Туркестане в 1888 г. Пообщавшись с начальником Мервского округа Закаспийской области М. Алихановым-Аварским, он писал: «Он постоянно держит под ружьем 300 туркмен и говорил мне, что за двадцать четыре часа у него могут быть готовыми еще 6 000 полностью оснащенных кавалеристов из туркменской милиции. Было бы нетрудно мобилизовать по первому требованию даже большее число, так как любой туркмен – это готовый солдат легкой кавалерии как настоящий казак иррегулярных войск, и ему требуется только огнестрельное оружие и боеприпасы, чтобы вступить на поле сражения». Также журналист отмечает, что русские власти очень высоко ценят туркменских воинов, в результате чего «туркменские солдаты милиционной армии, естественно, гордятся своими русскими погонями и мелями и с готовностью бросились бы в пасть смерти, чтобы завоевать крест Святого Георгия» (Добсон, 2013, с. 164–165).

В рамках настоящего исследования для нас, несмотря на то, что воинская повинность в Казахстане и Русском Туркестане так и не была введена, наиболее важно то, что практически все авторы проектов привлечения местного населения к военной службе предлагали формировать «национальные» подразделения, как правило, в формате казачьих частей, именуя их при этом и собственно казаками, и иррегулярными войсками, и милицией. Такая практика применялась в Приуралье и Сибири в отношении башкир и бурят вплоть до 1870-х гг. (Уяма, 2007, р. 40), и была сочтена наиболее подходящей и для населения Казахстана и Туркестана. И дело было не только в том, что казачьи подразделения составляли значительную часть войск, участвовавших в присоединении Центральной Азии к России и оставались в новоприсоединенных регионах после присоединения (формировались даже новые виды казачьих войск – Уральское и Семиреченское). Как известно, казачество изначально имело тюркское, степное происхождение, поэтому неудивительно, что именно этот род войск наиболее органично вписался в местные климатические, экономические и политико-правовые реалии, и именно по его образу и подобию предлагали формировать «национальные» воинские части сторонники призыва жителей азиатских окраин Российской империи на военную службу.

Так, М.И. Венюков, один из крупнейших военных исследователей второй половины XIX в., относящийся к первым так называемым «военным востоковедам», анализируя боевые качества «инородцев», прямо писал, что казахов «вряд ли можно употребить на какую-либо другую службу кроме милиционной, хотя нельзя отрицать, что из них могли бы быть и хорошие легкокавалерийские части» (Венюков, 1874, с. 15). Другой видный «военный востоковед», специалист по русской Средней Азии Д.Н. Логофет, характеризуя туркменскую «милицию», отмечал: «В сущности текинцы со своими сердарами являлись вольным казачеством в Закаспийских степях» (Логофет, 1909, с. 105). В связи с этим неудивительно, что после того, как Бухарский эмират и Хивинское ханство, соответственно, в 1868 и 1873 гг. были вынуждены признать протекторат Российской империи, преобразования в военной сфере в этих среднеазиатских ханствах также стали происходить с заметным влиянием опыта организации казачьих войск.

Исследователи неоднократно обращали внимание на специфический и противоречивый статус Бухары и Хивы под российским протекторатом. Официально оба ханства продолжали оставаться независимыми государствами, и Россия (равно как и другие иностранные державы) не имела юридических оснований вмешиваться во внутренние дела этих ханств, поскольку заключенные с ними договоры формально предусматривали лишь некоторое ограничение свободы внешнеполитической деятельности ханств, а также обеспечение режима наибольшего благоприятствования российским подданным (в первую очередь – предпринимателям) на территории Бухары и Хивы. Соответственно, правовые и административные механизмы прямого вмешательства в преобразования в военном деле ханств у России также отсутствовали.

Однако это отнюдь не мешало региональной (туркестанской) администрации активно участвовать в преобразованиях в обоих ханствах, в т.ч. и в вопросе реформы армии. И, точно так же, как и в русских центрально-азиатских владениях, опыт формирования казачьих войск оказался наиболее востребованным в Бухаре и Хиве, а российские власти нашли целый ряд возможностей, как внедрить соответствующие изменения в армии обоих ханств, не нарушая номинального суверенитета этих государств.

Во-первых, в середине 1880-х гг. на территории Бухарского эмирата по договоренности с эмиром возник целый ряд русских поселений. В 1886 г. в Чарджуе и в 1889 г. в Керки были размещены российские гарнизоны, целью которых было обеспечение безопасности границы Бухары с Афганистаном, фактически находившимся под протекторатом Британской империи. Еще два военных поселения появились в Патта-Гиссаре в 1894 г. и Термезе в 1897 г., а уже в 1888 г. неподалеку от столицы эмирата возникло русское поселение Новая Бухара (современный Каган), ставшее резиденцией русского политического агента – официального дипломатического представителя империи в Бухаре. К началу XX в. общее число военнослужащих на территории эмирата достигало 8 000 чел., причем большую часть их составляли именно казачьи части, насчитывавшие две бригады с перспективой дальнейшего увеличения их числа (Фомченко, 1958, с. 15–16).

Таким образом, бухарские власти и военнослужащие имели возможность своими глазами увидеть русское казачество, убедиться в преимуществах такого рода войск для своего региона и, соответственно, принять на вооружение некоторые элементы казачьих войск. Более того, в начале XX в. при обсуждении вопроса об охране границ протектората и обеспечении эффективности таможен (с 1895 г. Бухара и Хива вошли в таможенную черту Российской империи) Министерство финансов сочло целесообразным доукомплектовать число пограничных войск за счет «вольнонаемных джигитов», т.е. должна была быть создана «вольнонаемная стража, каковая раньше весьма успешно охраняла границы Бухары с русским Туркестаном» (Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 173).

Не вполне понятно, откуда должны были бы браться эти «джигиты». Логично предположить, что речь идет о национальном населении Русского Туркестана, однако в таком случае это решение означало бы их перевод в другие местности, что противоречило идее «милиции», как ополчения, функционирующего в местах собственного проживания. Таким образом, есть основания полагать, что речь идет о бухарских подданных, которые, по согласованию с эмиром, могли бы усилить российский «ограниченный контингент» в эмирате. Характеристика этой «стражи» как «вольнонаемных джигитов» подтверждает намерение формирования подразделений по образу и подобию казачьих – благо такой прецедент уже был создан среди туркмен Закаспийской области. Итак, российские власти сумели «на собственном примере» продемонстрировать бухарским правителям, сановникам и военному командованию сильные стороны русских казачьих войск.

Еще одним фактором, обусловившим внедрение опыта организации казачьих войск в Бухарском эмирате стал процесс интеграции бухарской правящей династии в сановную иерархию Российской империи. Так, эмир Сайид Абудл-Ахад, второй бухарский правитель под протекторатом Российской империи, имел не только придворный чин генерал-адъютанта, множество имперских наград, звание генерала от кавалерии, но и был наказным атаманом Терского казачьего войска, являясь, к тому же, шефом 5 Оренбургского казачьего полка (Эмир, 1911; см. также: Логофет, 1911, с. 254). Аналогичным образом генералом по Терскому казачьему войску числился и его сын и наследник Сайид Алим-хан (Прибытие, 1911). Тем самым российские власти как бы «ненавязчиво» привлекали внимание бухарских правителей именно к казачьим частям. И в самом деле, в обновленной бухарской армии появились части, которые вполне можно соотнести с российскими казачьими воинскими формированиями.

Безусловно, не следует абсолютизировать роль казачьих «мотивов» в реформировании армии Бухарского эмирата. Когда эмир Музаффар (отец Абдул-Ахада и дед Алим-хана) впервые обратился к российской администрации с просьбой о командировании в Бухару русских инструкторов (обратим внимание – инициатива, опять же, формально поступила именно от среднеазиатского правителя!), к нему были направлены офицеры и унтер-офицеры различных родов войск. В результате к началу XX в. в составе бухарской армии имелись линейные (пехотные) батальоны, артиллерийские батареи и т.д. Однако две гвардейские сотни, составлявшие личный конвой эмира (400 чел. при 12 офицерах) и гвардейская конно-артиллерийская батарея (100 чел. при 5 офицерах), были сформированы и экипированы именно как казаки. Д.Н. Логофет описывает их следующим образом: «Гвардейские части, 2 конные сотни конвоя и конно-горная батарея расквартированы в гор. Кермине при эмире и имеют форму обмундирования, похожую с казаками Терского войска; на вооружении конных сотен состоят винтовки бердана, шашки и кинжалы. В конной батарее 4 конных орудия, нижние чины вооружены шашками и кинжалами. Лошади карабаирской породы среднего разбора» (Логофет, 1911, с. 252, 254).

Иностранцы путешественники в Бухарском эмирате также обращали внимание на особенности экипировки личной охраны эмира. Американец У.Кертис, побывавший в Центральной Азии в начале XX в., прямо говорит о том, что телохранители эмира сформированы по образу и подобию казаков (Curtis, 1911, p. 123). Датчанин О. Олуфсен, примерно в то же время также посетивший Бухарский эмират и Хивинское ханство, уточняет, что телохранители хана, ранее состоявшие из сарбазов (т.е. бухарских рекрутов), теперь преобразованы в некое подобие «черкесской гвардии» российского императора (Olufsen, 1911, p. 578). Таким образом, можно увидеть, что истоки появления «казачьих частей» в Бухарском эмирате – это и участие русских инструкторов, и желание местного монарха до некоторой степени уподобиться своему сюзерену, императору Российской империи.

В Хивинском ханстве процесс реформирования армии не был столь активным, как в Бухарском эмирате. Особенности политического положения ханства, его отдаленность от российских границ, отсутствие транспортных коммуникаций – все это не способствовало активизации преобразовательной деятельности в военном деле Хивы. Во-первых, ко времени установления русского протектората собственной армии у хивинского хана практически не было: в случае войны он призывал тысячи нукеров (фактически – служилое дворянство), кроме того, воинскую повинность должны были нести туркменские племена, которые, впрочем, воевали против хана не реже, чем за него. Учитывая, что, в отличие от Бухары, с Хивой не было регулярного транспортного сообщения (что существенно уменьшало возможность контроля ситуации в ханстве), российские власти в 1870–1880-е гг. пришли к выводу о целесообразности не только не реформировать и перевооружать, а вообще – уменьшить армию хана.

Лишь в самом конце XIX в. туркестанским властям пришлось пересмотреть эту политику в связи с очередным восстанием туркмен: вооруженные английскими винтовками они выступили против хана, практически не имевшего возможности оказать им сопротивление. В результате генерал-губернатор Туркестанского края барон А.Б. Вревский и начальник Амударьинского военного отдела генерал-майор М.Н. Галкин обратились в Военное министерство с предложением создать в Хиве милицию, т.е. иррегулярное войско, вооружив его российским оружием (Погорельский, 1968, с. 40–41). Проект в принципе был одобрен, да и выбор рода войск не был сложным. Подобно бухарским эмирам, хивинские ханы – сначала Сайид Мухаммад-Рахим II, затем Сайид Исфендиар II – носили звание генерал-лейтенанта по Оренбургскому казачьему войску (тому самому, где бухарский эмир являлся шефом одного из полков) (Ханы хивинские, 1910), так что, близкое знакомство

с организацией казачьих войск им было также обеспечено за счет инкорпорации в российскую са-новную и военную элиту.

В 1897 г. были начаты поставки в Хиву российского вооружения, однако до 1907 г., т.е. за десять лет было поставлено всего 700 винтовок и 2 пушки с полным боекомплектом. Проект же создания милиции оказался «заморожен», поскольку хивинский хан, постоянно сменявшиеся туркестанские генерал-губернаторы и Военное министерство так и не смогли договориться о том, за чей счет будет содержаться войско по новому образцу, а также выработать гарантии того, что хивинские нукеры, набранные в милицию, не обратят российское оружие против хана и имперской администрации. В результате даже во время мощных туркменских восстаний против хана в 1913 и 1916 гг. туркестанские власти предпочитали вводить на территорию ханства собственные войска, а не вооружать неблагонадежных ханских нукеров (см.: Котюкова, 2009, с. 3–4).

Только после Февральской революции 1917 г. Временное правительство, стремясь сохранить контроль над Хивинским ханством в новых политических реалиях, активизировало процесс создания в нем милиции. Инициатором его реализации стал военный комиссар Временного правительства в Хиве генерал Х. Мирбадалов (бывший приближенный бухарского эмира, в то же время являвшийся служащим имперской администрации). Начался набор в милицию ханских нукеров, для вооружения которых срочно было поставлено из Туркестана еще 300 винтовок и патронов, поскольку прежние партии вооружения, полученные ханом в 1897–1907 гг., исчезли.

Однако сам же Мирбадалов был вынужден сообщить в штаб Туркестанского военного округа, что из проекта создания милиции ничего не вышло. Несмотря на усилия русских инструкторов по работе с «милицией», нукеры не смогли отработать ни прицельной стрельбы, ни строя, уходили по собственному желанию в родные кишлаки даже с постов, пытались воровать патроны. В результате попытка реформирования армии хана была сочтена бесперспективной, и эмиссары Временного правительства решили сделать ставку на противника хана Исфендиара – туркменского вождя Джунайд-хана (Погорельский, 1968, с. 130–131).

Таким образом, несмотря на довольно скромные в Бухарском эмирате и откровенно неудачные в Хивинском ханстве попытки реформирования армий местных правителей, можно сделать вывод, что опыт формирования казачьих войск, начавшегося еще в Московском царстве, оказался весьма востребованным в центрально-азиатских регионах Российской империи, включая и ее протектораты в Средней Азии. При этом следует отметить, что казахи «мотивы» совершенно не навязывались ни имперским подданным в Русском Туркестане (в частности, туркменам), ни бухарскому и хивинскому правителям, а в самом деле являлись наиболее подходящим родом войск в их реформируемых армиях.

Вместе с тем, готовность Бухарского эмирата и Хивинского ханства воспринимать опыт Российской империи (в т.ч. и в такой специфической сфере как военная) свидетельствует о значительном сближении этих государств, постепенном «привыкании» среднеазиатских ханств к российским политическим, правовым, экономическим и бытовым реалиям, заимствовании имперских институтов самими ханствами, т.е. об эффективной реализации процесса фронтальной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батырбаев Б.С. Восстание 1916 г. в Туркестанском крае: правовой анализ // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докладов Международной научно-практической конференции. Москва, 18 сентября 2015 г. М.: Б.и., 2016. С. 132–136.
2. Венюков М. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1874. 19 с.
3. Временное положение об управлении в областях Уральской, тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Б. м.: Б. и., 1868. 50 с.
4. Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1905. 201 с.
5. Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер., вступ. ст. и коммент. Н.В. Банниковой. М.: Рязань: П. А. Трибунский, 2013. 286 с.
6. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907 (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII). 224 с.
7. Котюкова Т.В. Воинские качества мусульман Туркестанского края в восприятии русской военной и гражданской бюрократии в конце XIX – начале XX века // Религиозная жизнь народов Центральной Азии. М.: ИЭА РАН, 2012 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 16). С. 29–42.

8. Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель – Observer. 2011. № 8. С. 98–126.
9. Котюкова Т.В. Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.
10. Котюкова Т. В. «... К воинской повинности они питают непреодолимое отвращение». Освобождение народов Туркестана от военной службы в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 55–61.
11. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб.: Издание В. Березовского, 1911. 340 с.
12. Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х кн. Кн. 1. Персидская граница. СПб.: Издание В. Березовского, 1909. 245 с.
13. Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 148 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIX. Ч. 1. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1876. 948 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XI. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1894. 685, 13, 599, 32, 51 с., 34 л.
16. Прибытие в Петербург эмира бухарского // Родина. 1911. № 22.
17. Уяма Т. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (По поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и перспективы: Материалы Международной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 194–209.
18. Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент: Госиздат УзССР, 1958. 79 с.
19. Ханы хивинские // Нива. 1910. № 45. С. 794–797.
20. Эмир бухарский // Нива. 1911. № 3. С. 57.
21. Curtis W. E. Turkestan: The heart of Asia. New York: Hodder & Stoughton, George H. Doran Co., 1911. 344 p.
22. Olufsen O. The emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara (with a chapter of my voyage on the Amu Darya to Khiva). London: William Heinemann, 1911. 599 p.
23. Uyama T. A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia. // Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, 2007. P. 23–64.

Список сокращений:

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

R.Yu. Pochekaev

COSSACK “MOTIVES” IN MILITARY ORGANIZATION OF BUKHARA AND KHIVA UNDER THE RUSSIAN PROTECTORATE

Article is an attempt of analysis of influence of Cossack military traditions on evolution of military system in the Cenyrthal Asian protectorates of the Russian Empire – Bukharan Emirate and Khivan Khanate at the end of the 19th – beginning of the 20th cc. Author observes reasons of this influence connected with active participation of Cossack units in process of joining the Central Asia to Russia and development of new Cossack forces in new regions (such as Ural'skoe kazach'e voisko and Semirechenskoe kazach'e voisko). Also author examines which elements of Cossack forces and how were integrated into military system of Central Asian khanates, connection of khans with Russian Cossack units within the process of integration of Central Asian monarchs into imperial civil and military ruling elite. Then author observe attempts to create in Bukhara and Khiva own irregular forces (“militia”) in the image and likeness of Russian Cossack forces and reasons why such forces were not created. Author finds that changes in military system of Central Asian Khanates with active using of Russian experience are the part of global process of frontier modernization – integration of protectorates into imperial political, legal and economical area.

Keywords: Russian Empire, Cossack forces, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, irregular forces, protectorate, frontier modernization.

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент (г. Санкт-Петербург); E-mail: ropot@mail.ru

Pochekaev Roman Yulianovich – Candidate of Sciences on Jurisprudence, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, National Research University Higher School of Economics, Associate Professor (St. Petersburg).